

События в Афганистане и Польше

Примером влияния Бродского на умы американской интеллигенции может послужить обращение Сюзан Зонтаг. Этот случай особенно показателен, поскольку писательница сама принадлежала к числу властителей умов в Америке второй половины двадцатого века. Ее политическую позицию можно было охарактеризовать как леволиберальную. Она всегда была в числе тех, кто считает американскую политическую систему зависимой от крупного капитала, ядовитым критиком конформистской, потребительской культуры среднего класса, феминисткой. В годы вьетнамской войны она вместе с несколькими единомышленниками совершила рискованное путешествие в Ханой, чтобы выразить солидарность с коммунистическим Северным Вьетнамом. Поэтому настоящий скандал разразился в феврале 1982 года на грандиозном митинге профсоюзов и леворадикальной интеллигенции в

поддержку польской «Солидарности». То, что происходило в Польше в тот момент – вспышка всенародного протеста против коммунистического режима, введение правительством генерала Ярузельского военного положения с соответствующими репрессиями, угроза советской интервенции, – создавало трудную проблему для американских социалистов и квазисоциалистов: социалистическое государство жестоко расправляется с подлинным рабочим движением. Цель организаторов митинга была двойкой: отмежеваться от СССР и его ставленников в Польше как «ненастоящего социализма», но, что еще важнее, доказать, что положение трудящихся в Америке ничуть не лучше, чем положение гданьских рабочих, и что империалистическая политика Рональда Рейгана в Латинской Америке ничем не отличается от политики Брежнева в Центральной Европе. В таком духе и высказывались на митинге писатели Гор Видал и Курт Воннегут, певец Пит Сигер и многие другие. Того же аудитория ожидала и от Зонтаг, но под растущий шум и улюлюканье она заявила, что заблуждалась в течение тридцати лет. Как бы дразня левую публику, она сказала, что если представить себе человека, который в течение тридцати лет читал только «Ридерс дайджест» и «Нейшн», то правду о коммунизме он бы узнал только из первого журнала. «Ридерс дайджест» – консервативный журнал, особо презираемый левой интеллигенцией как «мещанский», тогда как «Нейшн» – главный орган левой, социалистически настроенной интеллигенции. Относительно сравнения полицейских репрессий в Польше с полицейскими репрессиями в Сальвадоре и других латиноамериканских странах она согласилась, что сходство имеется, и сформулировала его так: «Коммунизм – это фашизм с человеческим лицом». Различие, сказала она, в том, что коммунизм – это более успешный фашизм. За свое прозрение она благодарит восточноевропейских друзей, в частности Чеслава Милоша и Иосифа Бродского. Она процитировала Бродского: «Поляков хотят раздавить советскими танками и западными банками»⁴³⁸.

Бродский тоже выступил на этом митинге. Он заявил, что в качестве символического жеста закроет свой счет в «Кемикл бэнк», поскольку этот банк финансирует польское правительство. «Проводить параллель между [американскими профсоюзами] и польскими рабочими – это не только совершенная непристойность; такая параллель отвлекает людей от реальных проблем и ставит Польшу в дурацкое положение, в котором она уже оказалась. Вам, либералам, следует попытаться решить одну проблему, а не рассеивать свою энергию по всему миру», – сказал он, отвечая ораторам, которые постоянно сравнивали коммунистические репрессии в Польше с положением в Центральной Америке («Там люди имеют хоть минимальную, но свободу», – говорил он вскоре после митинга интервьюеру⁴³⁹). Ему улюлюкали, кричали из зала: «Вы циничный негодяй!»⁴⁴⁰

Бродский очень близко к сердцу принимал происходящее в Польше. Наталья Горбаневская вспоминает: «В декабре 80-го, когда угроза советской интервенции в Польше казалась неизбежной, мы сидели с Иосифом, Томасом Венцловой и еще одним литовцем и совершенно серьезно обсуждали план организации интербригад для защиты Польши. И, конечно, все четверо собирались высадиться, по возможности, с первым десантом»⁴⁴¹.

К Польше Бродский испытывал особо теплые чувства, а к странам исламской цивилизации относился с недоверием, и тем не менее такой же была его реакция на советское вторжение в Афганистан. На вопрос интервьюера: «Эти ваши взгляды отражаются как-то в

438 См. подробный отчет о митинге: Cockburn A., Ridgeway J. The Poles, the Left, and the Tumbrils of '84 // *Village Voice*, February 10–16, 1982. P. 10, 28–29, 95. Авторы отчета не скрывают своего изумления и раздражения в связи с речью Зонтаг.

439 *Интервью 2000*. С. 204.

440 Там же. С. 207.

441 *Горбаневская 1996*.

том, что вы пишете?» – он ответил: «Писать об этом бесполезно. Я считаю – надо действовать. Пора создавать новую интернациональную бригаду. Сумели же это сделать в тридцать шестом году – отчего не попробовать сейчас? Правда, в тридцать шестом интербригаду финансировало ГПУ, советская госбезопасность. Хорошо бы в Штатах нашелся кто-нибудь с деньгами... какой-нибудь техасский миллионер, чтобы поддержать эту идею». [Интервьюер:] «А что, по-вашему, могла бы делать такая интербригада?» – «Да то же, в принципе, что и в Испании в тридцать шестом: оказывать сопротивление, помогать местным жителям. Обеспечивать медицинскую помощь, заботиться о беженцах... Вот это была бы по-настоящему благородная миссия. Не то что какая-нибудь „Международная амнистия“... Я бы и сам охотно сел за руль машины Красного Креста...» [Интервьюер:] «Не всегда легко провести размежевание с моральной точки зрения...» – «Не знаю, какое тут требуется моральное размежевание. В Афганистане все предельно очевидно. На них напали; их хотят подчинить, поработить. Пусть афганцы – племенной, отсталый народ, но разве порабощение можно выдавать за революцию?»⁴⁴² Десять с лишним лет спустя он очень сходным образом высказывался и о чеченской войне.

Два стихотворения Бродского об афганской войне, «Стихи о зимней кампании 1980 года» (1980; У) и «К переговорам в Кабуле» (1992; ПСН), отражают не сентиментальный, но и не циничный взгляд на этот затяжной кровопролитный конфликт. Основное эмоциональное содержание обоих текстов – отвращение. В первом – отвратительная агрессия «империи зла», представленной как тупая, противоестественная, то есть чуждая самой природе, механическая сила: агрессоры здесь не человеческие существа, а пуля, самолет, механический слон – танк, которые кошмарно имитируют отдельные свойства живого: «Ходя под себя мазутом, стынет железо». Бродский находит сильные парафразы взамен штампов пацифистской риторики. Выражение «пушечное мясо» превращается в «мерзнущая, сырая человеческая свинина», выражение «уж лучше было бы [этим молодым солдатам] не родиться...» – в афористическое «Слава тем, кто, не поднимая взора, / шли в абортарий в шестидесятых, / спасая отечество от позора!». В более позднем стихотворении объектом отвращения становятся «жестоковейные горные племена», живущие по законам архаической жестокости, но уже готовые обменять свою древнюю цивилизацию на сомнительные блага потребительской цивилизации современного Запада (собственно об этом, а не о мире, и ведутся, согласно Бродскому, «переговоры в Кабуле»)⁴⁴³.

Эти два стихотворения можно рассматривать как некий «афганский диптих», но самым существенным, с точки зрения политической философии Бродского, здесь является то, что он не ставит знака равенства между тремя вовлеченными в афганский сюжет цивилизациями – примитивно-исламской, советской и современной западной. Ни одна из них не имеет в его глазах морального приоритета, каждая является носителем зла, но в мрачноватом или, если угодно, реалистическом политическом универсуме Бродского виды зла различаются по степеням, почти как в Дантовом «Аде». Еще в стихотворении «К Евгению» из «Мексиканского дивертисмента» (ЧР) употреблен оборот «все-таки лучше»: сифилис и геноцид, принесенные конкистадорами в Америку, ужасны сами по себе, но «все-таки лучше», чем имевшая место до них туземная деспотия с человеческими жертвоприношениями. То же во втором афганском стихотворении. Западный мир отвратительно вульгарен, но там все-таки «лучше, чем там, где владыка – конус / и погладить нечего, кроме шейки / приклада». Еще ближе к центру абсолютного зла – тоталитарный коммунизм, характеристика которого явно перекликается с девятым кругом ада у Данте, где самые страшные грешники в заморожены в лед. У Бродского: «Новое оледененье – оледененье

442 *Интервью 2000*. С. 105. Основным источником сведений о гражданской войне в Испании для Бродского была книга Джорджа Оруэлла «Посвящается Каталонии». Документальную прозу Оруэлла, в особенности книгу об Испании, он ценил очень высоко.

443 Поэтому обсуждение того, какое именно дипломатическое событие имел в виду Бродский, нерелевантно. См. во всех иных отношениях интересный анализ этого стихотворения в: *Smith et al. 2002*.

рабства / наползает на глобус».

Уже в своем первом напечатанном в США эссе 1972 года Бродский писал: «Жизнь – так, как она есть, не борьба между Плохим и Хорошим, но между Плохим и Ужасным. И человеческий выбор на сегодняшний день лежит не между Добром и Злом, а скорее между Злом и Ужасом. Человеческая задача сегодня сводится к тому, чтобы остаться добрым в царстве Зла, а не стать самому его, Зла, носителем»⁴⁴⁴. В стихах, написанных в начале того же года, эта идея, в применении к отечественной ситуации, выражена в менее абстрактной форме: «...ворюга мне милей, чем кровопийца» («Письма римскому другу», *КПЭ*), — слова, которые четверть века спустя, в постсоветской России, многие цитировали как пророческие. В афганских стихах, в написанных по-английски стихах о геноциде в Косово, в эссе «Playing games» («Играя в игры», 1980), написанном в поддержку бойкота московских Олимпийских игр, и во многих выступлениях Бродский напоминает Западу об интеллектуальной и моральной несостоятельности позиции «духовного буржуа, наслаждающегося максимальным комфортом – комфортом своих убеждений»⁴⁴⁵. Ведущим убеждением была, как показал, например, нью-йоркский митинг по поводу «Солидарности», моральная уравниловка, стремление приравнять неприглядные стороны западной демократии к широкомасштабным преступлениям тоталитарных режимов. В отличие от Солженицына с его пророческой риторикой и религиозно-утопической программой духовного очищения Бродский был услышан хотя бы частью думающих людей на Западе.